

ВЛАДИМИР КРУПИН

АФОН. СТОЯНИЕ В МОЛИТВЕ*

УДЕЛ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Многие места нашей земли напоминают красоту Дня Творения, но особенно чувствуется присутствие Божие в мире здесь, в Греции. Здесь все говорит о Господе: море, полное тайн, горы, скрывшие свои склоны травами, кустарниками, деревьями и цветами, и небо, голубизна которого не дается никакой кисти. Когда восходит солнце, то кажется, что небо стекает в море, а море поднимается в небо.

А главное место Греции для нас — это Святая Гора Афон. По свидетельству космонавтов, которые летают в космосе над планетой, Афон всегда сияет, даже и тогда, когда кругом его облачность.

Святая гора Афон — удел Божией Матери. После храма Гроба Господня в Иерусалиме — это главное место в мире. Почему? Если бы не молитвы Афона, мир давно бы провалился в черные дыры безбожия.

Был ли ты или не был на Афоне, все равно при этом слове слышится небесный звук чистой молитвы.

В отверстие над Елеонской горой небо вознесся Воскресший Иисус Христос. Его приход на землю был милостью Господа, показавшего пути спасения. Об этих путях и должны были поведать миру Его ученики. Рассказать и об обетовании Второго пришествия, при котором уже не будет вразумления грешников, а грянет Божий Суд.

В “Деяниях апостолов” рассказывается, как ученики Христа собрались по Его Вознесении в Сионской горнице, которая помнила и чин омовения ног, и Тайную вечерю, и как на них снизошел Дух Божий. “И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились, и явились им разделяющиеся языки, как огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго...” (Деян. 2, 2-4). После проповеди Петра к апостольской церкви “присоединилось в тот день душ около трех тысяч”. (Деян. 2-41).

Апостолы, получившие такой святой дар, решили понести Его вместе с Благой вестью о Воскресшем Христе в другие земные пределы. Узнать же, кому куда идти, они решили с помощью жребия. Божия Мать пришла участвовать в жеребьевке. Ее отговаривали, но она не хотела никакого особого отношения к себе и пожелала участвовать в трудах апостольских. Ей выпала Иверия. Но не успела Божия Мать собраться в дорогу, как Божий ангел (в церковном предании архангел Благовещения Гавриил) возвестил Ей волю Божию — пребывать пока в Иерусалиме, а там Сам Господь укажет Ей страну для поучения заблудших.

* С любезного разрешения автора редакция публикует фрагменты из его новой книги.

Тем временем Она, сопровождаемая учеником Иисуса Иоанном Богословом, усыновленным Ею при Кресте на Голгофе, отправилась на остров Кипр, чтобы увидеться с Лазарем. Это тот Лазарь “четверодневный”, на могиле которого написаны два поразительных по своей простоте слова: “Друг Христа”, брат праведных сестер Марфы и Марии. Лазаря хотели убить иудеи, пылая злобой ко Христу и надеясь уничтожить чудо Воскрешения, вспоминаемое нами в Лазареву субботу Великого поста. Лазарь скрылся, затем апостолом Варнавою был рукоположен в епископы и служил на Кипре. Он писал оттуда к Божией Матери, зовя навестить его, так как по-прежнему была опасность преследования со стороны иудеев, и он опасался сам прибыть в Иерусалим.

Корабль внезапно поднявшимся ветром несколько дней гонит в сторону от Кипра, по Эгейскому морю, и прибывает к северо-восточной стороне греческого полуострова Халкидики, к его еще более малому полуострову Афон. Место выхода Пречистой Девы там, где ныне монастырь Иверской Божией Матери. В то время там было идольское капище. По сведениям древних источников, идолы подняли свой предсмертный крик, рушились. Люди бежали к берегу, встречая корабль.

“Сие место будет Мне в жребий, данный Мне от Сына и Бога Моего, – сказала Божия Матерь. – Благодать Божия да пребудет на месте сем”. Было это промыслительное событие в сорок четвертом году от Рождества Христова.

Пророческие слова об Афоне сбылись с совершенной точностью. Афон, земной удел Божией Матери, стал исключительно иноческой страной, монашеской обителью, соединившей в себе двадцать монастырей. Во мнении общественном он воспринимается не полуостровом, а самостоятельным островом, куда можно приехать только с одной целью – молиться Богу.

ОТВЕРЗАЮЩАЯ РАЙСКИЕ ДВЕРИ

Благодать Божия, предсказанная Божией Матерью, Которую на Афоне именуют Защитницей, Попечительницей, Заступницей, никогда не уходила от Афона. Всё было в эти столетия: нашествия врагов, разорения монастырей, гибель монахов, голод и холод, но, спросим, а в остальном мире что? Государства исчезали, империи рушились, религии возникали и растворялись, а уж сколько было учений, идеологий, всяких атилл, чингисханов, наполеонов, марксов, троцких... Сколько неверных, тупиковых путей пройдено человечеством от человеческой гордыни, а Афон стоит! Ибо стоит на скальной основе веры Православной, смирения и терпения. Другого объяснения прочного стояния Афона в мире нет. Случись что с ним – это будет вселенская катастрофа. Враг нашего спасения отлично это понимает и насылает всё новые и новые напасти на монашескую республику. Но разбивается о крепость афонской молитвы. А крепость этой молитвы идет от Заступницы усердной рода христианского – Божией Матери. И наименование Божией Матери высоким именем Вратарницы произошло здесь же. Это не просто Хранящая врата афонских обителей Неусыпная Стража, но и двери в райские пределы Отверзающая. Дивно, отраднo слышать здесь Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ея Иверской. Идет по простору храма, как по морской глади, раскаты волной славословие согласными голосами, единым сердцем, “едиными усты”: “Радуйся, во всяких нуждах скорое вспоможение, радуйся, в печалях быстрое услышание. Радуйся, от огня, меча и нашествия иноплеменных нас избавляющая, радуйся, от глада и напрасныя смерти нас освобождающая... Радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая”.

Верным. Но кто более верен Царице Небесной, нежели монахи Святой Горы?

НЕТ В МИРЕ СИРОТ

Нет в мире сирот. Это главное счастье нашей земной жизни. Мы теряем отцов и матерей, но не сиротеем: всех нас усыновила при Кресте Сына Своего Пресвятая Богородица. Уходящие из мира в монастырь покидают навсегда своих земных матерей, но не остаются сиротами.

Мы стоим с монахом на высоком берегу.

– Море и земля и вся, яже в них, – обводит он рукой пространство. – И всё Богом создано, и всё к Нему, и всё от Него, и всё Им.

Мне хочется задать вопрос о его матери, родне по крови, только не смею и говорю:

– Грехи ваши ничтожны по сравнению с нашими. Прошу ваших молитв.

– Слаба и наша молитва, – говорит монах. – Одна надежда на Пресвятую Матерь Божию.

Он говорит, что слаба, и говорит искренне, но если молитва и здесь слаба, то где же она сильна? Именно на Афоне слышит нас Господь, и именно монахи Афона лучше всех знают, как, за что и за кого молиться. Почему такая уверенность? Отвечает святой Симеон Новый Богослов:

“Монахи не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут в свете будущего века”.

Вспоминаю и преподобного Памву, подвижника горы Нитрийской, смиреннейшего из монахов, воспитавшего многих великих старцев. С несколькими братьями святой шел в Александрию по просьбе святителя Афанасия. Около храма сидели люди, не обратившие на монахов никакого внимания. Святой Памва, небывалый случай, возмущился и повелительно сказал мирянам: “Встаньте и приветствуйте монахов с почтением, просите у них благословения. Они беседуют с Богом, и уста их священны”.

Монахи уже прошли то, что нам еще предстоит пройти, – оборвать крепкие привязки к вещественному миру. Монахи над нами. Много раз я ощущал это до прилива благодарных слез – я, грешный, сподобился стоять рядом и молиться с молитвенниками за весь род людской. Вот они входят в храм, берут объемные тетради с тысячами и тысячами имен и оглашают их для небес, моля о прощении грехов неразумных тварей Божиих. Молятся о нас с вами, ныне живущими и способными еще спастись. А молитв об упокоении еще больше. Озаряет восковая свеча седую бороду, склоненное лицо, мантию и еле уловимое движение губ, шепчущих читаемые глазами имена.

БЛАГОГОВЕТЬ ПЕРЕД ТАЙНОЙ

Монашеская жизнь – тайна. Мы, люди обычной жизни, видим монахов в церкви, на послушаниях, в трапезной. Вот, пожалуй, и все. И никому не дано проникнуть в мир монашеской души. Более того, неохотно монахи рассказывают не только о себе, но и о своей обители. Поучительна история монаха Афона Нила Мироточивого. По его молитвам происходили исцеления больных, вразумления заблудших. Исцеленные и их знакомые создавали вокруг имени Нила легенды. Но он всегда уходил от мирской славы. По его земной кончине его мощи стали обильно мироточить, и люди, естественно, потянулись за лекарством для души и тела. Мироточение было обильным, и наплыв желающих получить миро становился все более многочисленным. Тогда ученик преподобного сказал своему учителю: “Я знаю, как ты бегал от мирской славы, но вот она тебя настигла”. И что же? Мироточение прекратилось. Это очень краткий пересказ жития преподобного, но сказанного достаточно, чтобы увидеть, насколько монахи не дорожат, более того, настоятельно избегают известности. Например, не хотят фотографироваться. Они ушли из мира и не хотят возвращаться в него даже своим изображением. Именно афонцам хочется, чтобы флагманский корабль монашества шел по морю современности, не обремененным мирской, отягчающей славой.

Пишущие об Афоне сходятся во мнении, что нет точной даты заселения полуострова. Гора упоминается даже в “Илиаде” Гомера. В первые века Новозаветного времени, после того как сюда ступила Божия Матерь, здесь селились монахи-одиночки, отшельники, пещеры которых обнаруживали в последующие времена, изумляясь их многочисленности. Несомненно, тут были и палестинские, и синайские, и египетские молитвенники, ученики великих Антония, Павла, Макария, других духоносных старцев первых веков.

Добавим, что нашествия диких язычников, самоуверенных мусульман, образованных папистов уничтожили многие документы афонской древности, и только с десятого века есть письменные источники, отчего одни говорят, что

начало монашеской жизни на Афоне началось лишь со времен Константина Великого. Известно, что храм Успения Пресвятой Богородицы в Карее отстроен при Константине Великом, а разрушен при Юлиане Отступнике. Это четвертый век. А вновь возведен при императоре Никифоре Фоке уже в десятом веке. Несомненен и факт свержения идола с самой высокой горы еще в первом веке. На этом месте стоит храм Преображения Господня. Служат в нем раз в год, ибо он труднодоступен. Это Фаворская гора Афона. Иногда, в ясный день, вершина ее предстает как драгоценный камень в оправе гранитных гор. Сияет в солнечную погоду и скрывается туманом в ненастье. А иногда бывает такое чудо – храм плывет выше туч, отделяясь от земли, и стоит как будто на воздухе, как невесомый. Зрелище, восторгающее душу к горным пределам.

Афон – это навсегда. Не видел его – тянешься к нему. Увидел – никогда не забудешь. Двенадцатилетним отроком тайно прибежал сюда один из самых почитаемых в Греции духовников будущий старец Порфирий (Байрактарис), пробыл тут семь лет в скиту Кавсокаливит, а потом... шестьдесят девять лет пробыл вдали от Афона, служил священником в больнице Афин, уходил в уединение, организовал женский монастырь Преображения Господня, в котором был наставником, и за несколько месяцев до кончины, предчувствуя ее, вернулся на Афон. Это было совсем недавно (1991 г.). Старца Порфирия мы вспомнили, чтобы примером его жизни показать неодолимую тягу к Святой Горе. И еще вспомнить наставления старца: “Кто молится лишь о себе, совершает большую ошибку”. Сказано это, в первую очередь, об афонской молитве.

ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВА, НО ОСОБАЯ

Афон – сердце и душа Православия. Вместе с тем это часть греческого государства. Часть совершенно особая. Статус Святой Горы закреплен в Конституции Греции в статьях 109–112. Сделаем выписки, показывающие эту особенность:

“Афонский полуостров... является в соответствии со своим древним привилегированным положением самоуправляющейся частью Греческого государства, суверенитет которого над ним остается неприкосновенным. ... Все монашеские на ней приобретают греческое гражданство без каких-либо формальностей, как только они принимаются в число монахов или послушников. Святая Гора в соответствии со своим установленным порядком управляется двадцатью ее Священными монастырями, между которыми поделен весь Афонский полуостров, и ее земля не подлежит отчуждению. Управление осуществляется представителями Священных монастырей, составляющими Священный Кинот. Категорически запрещается какое бы ни было изменение системы управления или количества монастырей Святой Горы, их иерархического строя и их взаимоотношений с зависящими от них учреждениями. На ее территории запрещается пребывание иноверцев или раскольников”. По Конституции государство берет на себя “исключительное право поддержания общественного порядка и безопасности” на Святой Горе.

И вот, когда видишь в сегодняшнем мире постоянные нападки на Афон, особенно со стороны демократических женских движений, как будто для них не указ слова Божией Матери, или со стороны бизнесменов, которые видят только мрамор Афона да его живописные берега и чистейшее, омывающее их море, то диву даешься. Видимо, и Конституция государства не для них писана. Демонстрации эмансипированных женщин-суфражисток часто происходят на причале Уранополиса – греческого города, откуда уходят и куда приходят монашеские корабли. Вспоминается, как такие демонстрации встречали монахов, сопровождавших святые мощи Всехвального Первозванного апостола Андрея, мощи святого великомученика и целителя Пантелеимона и мощи святой равноапостольной Марии Магдалины. А часто и без всякого повода неистовые ревнительницы женского равноправия выходят на причал, чтобы в очередной раз покричать о том, что нет на Афоне демократии. Какая несправедливость!

А у бизнесменов есть выражение: снимать доходы. С перепродаж и продаж, с жилплощади, с рынка... Стоя на палубе теплохода, огибающего полуостров, один такой предприниматель всё ахал, все изумлялся красоте Афона и восклицал: “Да тут с каждого километра можно в сезон по миллиону долларов снимать!” Когда же ему пытались втолковать особенность и единственность Афона и его неподчиненность светским законам, он это никак не мог понять.

– Пусть молятся, – упирался он, – кто им помешает? Молятся, в нашу сторону пусть не глядят. Места хватит. Им же и доходы будем отстегивать. Когда кто и с курорта к ним заглянет, свечку купит. Да они же ж еще и мрамором могли торговать. На золоте сидят и не понимают своего счастья.

О мраморе этот бизнесмен точно заметил – весь Афон стоит на мраморном основании, как на драгоценном пьедестале. Еще и в этом мы читаем Божий промысл – предоставить место для чистой молитвы совершенно особое, единственное. Но это может понять только верующий человек. Чаще мы сталкиваемся с почти полным, безнадежно глухим отрицанием монашеской республики. Это, к сожалению, есть и в Греции, и за ее пределами.

Вот, к примеру, в Греции были Олимпийские игры. Ведь и сама Греция – родоначальница этих Игр. Но какие же нападения испытала тогда Святая Гора. На нее рвались и бегуны, и прыгуны обоих полов. Пресса визжала, цитируя апостола Павла, что нет для Господа ни эллина, ни иудея, ни мужеска, ни женска пола. Европарламент выделял изрядную сумму тем монастырям, кои согласятся принять у себя женщин-паломниц. “Это, – сказали афонцы, – дьявольская уловка”. Устоял Афон и перед олимпийцами, и, даст Бог, устоит пред любыми нашествиями соблазнов сего века и будущего.

Будем надеяться, что наш посильный труд послужит просвещению заблудших и закосневших в одностороннем, только материальном истолковании мира. По дьявольскому наущению внедряются в умы людей мысли, что бытие определяет сознание, что базисом жизни является материальный мир, а надстройкой (слово нашли) является духовность. Тут всё поставлено с ног на голову. Вначале же было Слово, Дух Святой, потом материальный мир. Тело каждого человека пришло из земли и уйдет в землю, а душа будет продолжать жить. Как? Ликовать с ангелами или мучиться во аде, это зависит от наших дел в продолжении краткого нашего пребывания на земле.

Именно служить спасению души уходили и уходят на Афон православные люди.

ПЕЙЗАЖ СОТВОРЕНИЯ МИРА

Подумать, столько копий ломается из-за совершенно крохотного участка земли. Если бы через полуостров протянуть дорогу, о которой тоже кричат неистовые поборники уничтожения монашества, то по этой дороге можно было бы проскочить весь Афон за двадцать минут. Шестьдесят километров его длина. А в ширину всего ничего – от семи до девятнадцати километров. Полуостров Айон-Орос, как он значится на картах, возвышается из вод Эгейского моря с северо-запада на юго-восток. Вначале он более равнинный, затем всхолмливается, переходит в горную цепь и оканчивается значительным возвышением, возносимым к восходу солнца. Высота главной горы Афона, горы Преображения, выше двух тысяч метров.

Склоны гор, долины, прибрежные земли необычайно богаты растительностью. Это сплошной ботанический сад. Это рай, и не меньше. В любое время года. Весной ошеломляющий, осязаемо плотный запах цветущих трав и кустарников. Розоватятся на рассвете и закате расцветающие деревья, кисейно белеют вишни в свой краткий двухнедельный срок, и как долго помнятся потом. Заявляют о себе и маслины, напоминая о Елеонской масличной горе, а как радостно раскрываются навстречу теплу груши, черешни, виноградники. Легко воспаряет над землей розовая пена цветущего миндаля, соперничает с белизной облаков цветущая яблоня, подолгу стоят над пространством красные свечи каштанов, беззаботно раскидывают свои широченные ветви крепкие платаны, а черешни уже показывают свои скороспелые плоды. Скромно цветет орех. Орехи, конечно, грецкие, учитывая место их нахождения. И вспоминается добрая, исцеляющая шутка монаха Амвросия Оптинского: “Грех как грецкий орех – расколоть легко, выковырять трудно”.

Но спелые орехи – это осень. Осень здесь такая долгая, что, кажется, никогда не придут холода, всё время будет это золотое состояние торжества природы, эти крепкие дубовые листья, которые одновременно уже и под ногами и еще на ветвях, эти костры красно-оранжевых кленов, и наш родной русский ши-

повник, только плоды его сочнее и крупнее. Все такое полное, пришедшее в меру торжества созревания, что только и думаешь: “Господи, за что нам такое?”

Свято-Пантелеимонов монастырь, принадлежащий Русской Православной Церкви, на юго-западной части острова, поэтому солнце приходит к нам после обеда и царствует до вечерних звезд. Море прямо-таки пылает на закате. А ночью, при полной луне, оно совсем золотое. Случаются и пасмурные дни, особенно зимой. Но, по русским понятиям, какая же это зима: выпал ночью снег, а к обеду и нет его, а к вечеру и вовсе тепло. Тем более, как ни облетают лиственные деревья и лиственницы, Афон всегда зеленый, цвета жизни, здесь много хвойных пород: ели, сосны, туя, много вересковых зарослей.

НО ДО КРАСОТ ЛИ МОНАХАМ?

Летом жарко. Но все равно хорошо. Всегда найдется тенистое место, всегда утолит жажду вода из чистого, текущего из мраморных недр ручейка. Но ни где в монашеских трудах и рассказах нет описания красот Афона, любования ими. До красот ли монаху, когда он занят ежеминутно. Молитвы, послушания, снова молитвы, снова труды. Иногда очень тяжелые: строительство, погрузка, разгрузка, копание земли, работа на огородах и в садах, приготовление пищи, заготовка продуктов на зиму – всего не перечислить. Но главный труд – это, конечно, молитва. Непрерывная, и совместная, и уединенная. И вот этой молитвы не увидишь, если сам не молишься. Идешь по тропинке – впереди мелькнул человек, идущий навстречу. Подходишь, а там нет никого. Спрятался, уклонился от встречи, чтобы не прерывать молитвенное состояние. Это состояние иногда улавливаешь в ночную, утреннюю или вечернюю пору в храме и понимаешь, насколько оно сильно. Молитвы те же, что слышал в обычных церквях, но как-то звучат они иначе. Серьезнее, неспешнее, проникновеннее. И монастырское монашеское пение тоже неповторимо, оно какое-то особое, единоустное, спокойное в своей всепобеждающей силе.

ДЕНЬ СМЕРТИ — ЭТО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Есть ли в нынешнее время святые на Афоне – вот вопрос всем побывавшим на Святой Горе. Лично я уверен, что есть. Хотя сам их не видел. А может, видел, но, по грехам своим и недостойнству, не понял, кто предо мною.

Но почему я так заявляю? Потому, что видел здесь и осознал главное в нашем мире – отношение к смерти. Мы ее боимся, а здесь день смерти – это день рождения в жизнь вечную. И понять без этого вразумления Афон невозможно. Вот попробуйте не бояться смерти. А здесь этот страх отступает. Смерть страшит привязанных к земному, а здесь никто не озабочен земным. Здесь всё ничто: деньги, успех, известность, сила физическая, власть, даже и времени настоящего здесь нет. Как? И времени?

Да, и времени. Ведь время дано нам в наказание за первое грехопадение. Времени не было, и нет его у Бога. У Него всё враз: настоящее, прошлое и будущее. А у нас и настоящего нет. Было утро, и нет его, вечер приближается.

А что такое афонская полночь? Это закат, это погружение солнца в глубины горизонта, это начало новых суток. Но и это не время, это сигнал колокольчику звать на молитву. Переливистый звук летит по коридорам, вскоре трель колокольчика подхватывает колокол на колокольне, но вот уже и колокольчик и колокол в прошлом, а в будущем то, что возглашается, поется и читается. И это летит в пропасть времени, а вечность всё пред нами.

Монахи Афона постоянно устремлены в вечность.

ОТЕЦ РУССКОГО ИНОЧЕСТВА

Для святых нет расхождения в веках. Преподобного Сергия Радонежского, преподобного Серафима Саровского мы воспринимаем вне привязки их к какому-то временному отрезку истории. Они и в вечности живут рядышком. Рядыш-

ком с ними и отец русского иночества преподобный Антоний Киево-Печерский. Из далекого для нас, а для Афона просто вчерашнего, десятого века сияет нам образ святого Антония.

Вообще нет необходимости подробно излагать жизнеописания святых. Сегодня издается много святоотеческой литературы. Вновь выходят “Жития святых” святителя Димитрия Ростовского, книги о русских монастырях, сегодня нам важен факт связи того или иного святого с Афоном.

В десятом веке слава об Афоне была повсеместна. К преподобному Афанасию притекали отовсюду: из Рима, Македонии, Италии, Грузии, Армении и, конечно, Болгарии и России. Почему конечно? Потому, что Афон для славян был, как тогда выражались, “разсадником иночества и благочестия”. К одиннадцатому веку были монастыри – болгарский Зограф и русский Ксилургу.

Слух о святой жизни монахов Эгейского моря дошел и до града Любеча, что близ Чернигова, и коснулся сознания юноши по имени Антипа. В его младенческих годах свет Христов пришел на Русскую землю. Начиналось на Руси и “почтение книжное”. Кто бы мог предугадать, что юный отрок вырастет в великого старца, наставника монахов, духовного отца киевских князей, особенно Боголюбивого князя Изяслава.

С отрочества Антипа стремился к тишине и спасению души. И вознамерился обрести это на Афоне. Он обошел все места поселения монахов на Святой Горе, воспламенился желанием остаться здесь и просил постричь его в иноческий образ. Его, по преданию, постриг игумен Эсфигнема Феоктист и нарек Антипе имя Антоний. Немалое время пробыл Антоний, мужая в молитвенных подвигах, но вот игумен призвал его и возложил послушание – идти в Россию, дабы и там послужить Богу. Известно, какие трудные времена были тогда в Святой Руси. На берегах Днепра Антоний отыскал место, похожее на склоны Афона, занял варяжскую пещеру, которая отныне стала убежищем молитвы, а не вертепом разбойников и не кладовой для награбленного.

Летописи (преп. Нестор) не сообщают, где встретил святой Антоний братоубийственную смуту, в которой погибли первые русские святые Борис и Глеб, но мы знаем, что нестроения, наступившие после кончины Великого князя Владимира, вынудили Антония вновь удалиться на Святую Гору. Прошло немало лет. И вновь откровением свыше он был возвращен в Киев. В этот раз он вошел в пещеру в дремучий лес у селения Берестово, куда Божиим смотрением собрались к нему русские молитвенники, многие из которых становились иноками.

При их пострижении всегда говорил: “Бог вас собрал, братие, а я вас постригаю по благословию Святой Горы, которым я и сам пострижен от ея игумена”.

Копая новую пещеру или закладывая новый храм, святой всегда восклицал: “Да будет на сем месте благословение Святой Афонской и молитва моего отца, меня постригшего. Благослови, Господи, мое вселение здесь!”.

Скажем словами Святогорца: “С киевских гор, как светильник с высокого свешника, преподобный Антоний разливал во все стороны земли Русской немерцающий свет святой иноческой жизни”.

Отошел преподобный в вечность в 1073 году. Память его ежегодно празднуется на Афоне, особенно в монастыре Эсфигмен. Над пещерою, в которой он, по преданию, отшельнически подвизался, воздвигнута церковь его имени.

БЛАЖЕННЫЙ АРСЕНИЙ

Мы немного знаем о преподобном Арсении Коневском. “Афонский патерик” делает предположение, что инок Арсений подвизался в Старом Русике. Пришел он на Святую Гору в конце четырнадцатого века. Он из Великого Новгорода. С отроческих лет возлюбил монашескую жизнь, уединенную и общежительную молитву. Обитель на Лисьей горе стала первой его пристанью на пути к Афону. Мысль об Афоне зародили афонские монахи, посетившие Великий Новгород. Беседы с ними зажгли в сердце юного инока пламень желания поселиться на Святой Горе. Со слезами молил он игумена благословить его на дорогу вместе с афонскими монахами. Игумен долго не соглашался, ибо чувствовал, какое это лишение для обителя, но наконец уступил слезному прошению.

На Афоне святой Арсений со смирением нес самые различные послушания: выпечку хлеба и просфор, плотничал и столярничал, работал в лесу и на огороде. Но особенно отличался в кузнечном искусстве. Он так замечательно выковывал медные сосуды для монастырских потребностей, что заказы к “русскому кузнецу” шли со всего Афона. Чтобы не обременять свой монастырь нашествием заказчиков, преподобный Арсений, с благословения игумена, решился обойти все монастыри, чтобы в каждом изготовить необходимую в богослужебном и хозяйственном обиходе утварь из меди.

В таком подвиге преподобный пробыл три года. Когда посещаешь монастыри Святой Горы и видишь искусно выкованные медные сосуды: кувшины, чаши, блюда, тазы, — невольно думаешь, что это работа русского мастера, новгородского и афонского монаха Арсения.

Игумен Иоанн, исполненный прозорливости, пророчески возвестил Арсению, что ему надлежит возвращаться на родину, где он, в стране северной, воздвигнет обитель во славу Божией Матери. Он благословил святого двухсторонней иконой — Божия Мать с Предвечным Младенцем с одной стороны и Спас Нерукотворенный — с другой. Вручил Арсению Устав Святой Горы и возвестил: “Боже, отец наших, призри от престола славы Твоя на раба Твоего Арсения, да почиет на нем благодать Духа Твоего Святаго и пребудет с ним благословение Твое”.

В 1393 году блаженный Арсений вернулся в Великий Новгород, неся с собою чудную икону. Архиепископ Новгородский Иоанн благословил его на создание обители во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Отплывши в Ладожское озеро, святой некоторое время пробыл в обители Валаамской, а затем решился искать еще более уединенного места. Сел в ладью, взялся за весла и стал грести в направлении пустынного острова Коневского. Там еще были идольские капища и так называемые языческие требища, которые от явления святой иконы и от молитв преподобного разрушились.

К великому молитвеннику на свет его всечестного жития потянулись иноки, чающие спасения, и миряне, желающие послушания и пострига. Братия росла численностью, остров покрывался церковными строениями и кельями.

Но велик был в преподобном зов Святой Горы. И он пошел на Афон, благословенный уже новым архиепископом новгородским Симеоном. А при его отсутствии Коневская обитель оскудела, да до такой степени, что иноки уже хотели разойтись, проситься в другие монастыри. Но один из старцев, Богодухновенный Иоанн, просил братию повременить. Он взошел на высокую гору рядом с обителью и молил Божию Мать о том, чтобы настоятель обители преподобный Арсений вернулся в нее. После долгой молитвы старец воздремал, и ему в тонком сне Божия Мать тихим голосом заповедала не уходить братии с сего места, ибо вскоре прибудет и сам Арсений.

И точно! Вскоре на двух больших судах, с припасами еды вернулся в созданную им обитель святой Арсений.

После многолетних подвигов, в глубокой старости, в 1447 году, 12 июня, отдал старец Богу душу. Как раз в день памяти преподобных Онуфрия и Петра Афонских, по примеру коих он удалялся на Святую Гору.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ СКИТОНАЧАЛЬНИК

Так называют святогорца Нила Сорского. Личность удивительная, поклонения достойная! Сам преподобный Нил называет себя невеждою. Но его сочинения, его жизненный путь говорят, что Святую Русь озарил своим подвигом муж достойнейший. Сейчас пустынь Нила Сорского возрождается в былой славе. А при большевиках была разорена, унижена, превращена в психиатрическую больницу.

Местность пустыни и сегодня удивляет трудностью проживания в ней: болото, чахлая северная растительность, летом гнус, зимой жестокие морозы. Именно сюда ушел инок обители Белозерского монастыря. В ней он получил и постриг, и из нее он уходил на Святую Гору.

Как райская пчела, пишется в “Афонском патерике”, носился он среди дивных старцев афонских и подарил наше русское иночество опытом скитского жития. Если преподобного Антония мы называем первоначальником иночества в России, то преподобного Нила, по всей справедливости, можно назвать первен-

цем скитского подвижничества. Не только вычитанные им из древнемонашеских уставов образы скитского безмолвия, но изученная собственным опытом скитская жизнь укрепила преподобного в правильности созидания скита на родной русской земле.

Сколько он пробыл на Афоне, патерик не сообщает, но известно, что было это в середине пятнадцатого века. Вернувшись в Россию, он, с благословения, ушел в одиночество из монастыря в Кириллове на реку Сорку, в болотистую, безжизненную местность за пятнадцать верст. Установил крест, выкопал колодезь, поставил часовню, хотел жить один, но к нему собралась братия, и тогда они совместно поставили церковь.

“Теперь преселился я вдаль от монастыря, — писал преподобный одному из сподвижников, — нашел благодатию Божиею место, мало доступное для мирских людей. . . Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцов. Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, жить по своей воле. Писание не для нас писано, но должно быть исполняемо и в наше время. Слова Господни всегда будут для нас словами чистыми, как очищенное серебро, заповеди Господни для нас дороги более, чем золото и драгоценные камни, сладки более, чем мёд”.

И опять же — не мог светильник укрыться даже в таких глухих местах. Жизнь преподобного изумляла современников. Учение преподобного Нила о нестяжательстве на все времена стало примером для монашествующих. Он учил до последней степени отложить мирские пристрастия и стремиться душой к одному горнему.

Преподобный Нил был участником собора 1508 года, где разбиралась ересь жидовствующих. Ревнители православия преподобный Иосиф Волоцкий и святитель Геннадий Новгородский видели в преподобном Ниле своего сторонника в деле очищения Святой Руси от заезжих идей и нашествия на веру Христову.

Надо заметить, что святогорцы преподобные Нил и Максим Грек были знакомы, хотя последний много моложе Нила.

Перед своей кончиной преподобный просил, чтобы его грешное тело выбросили на съедение зверям, ибо “оно тяжко согрешило пред Богом и недостойно погребения”. И прибавил: “Сколько возможно было по силе моей, старался я не пользоваться никакою честью на земле, в этой жизни, так пусть и будет и по моей смерти”.

“Устав скитского жития” преподобного Нила дошел до нас. Дошли и его послания. Два из них писаны к его постриженнику Кассиану. А Кассиан этот не кто иной, как бывший князь, пришедший в Россию с греческой царевной Софией. Старец учит Кассиана, как бороться с помыслами, советуя для того молитву Иисусову, занятие рукоделием, изучение Священного писания, охранение себя от внешних соблазнов, и дает наставления о послушании наставнику о смирении, терпении в скорбях, о молитве за врагов. Утешая Кассиана в его прежних испытаниях (плен, изгнание, переселение в чужую землю), преподобный говорит, что Господь наводит скорби на любящих Его, что все святые, пророки, мученики, — достигли спасения путем страданий, указывает на пример многострадальных Иова, Иеремии, Моисея, Исаяи, Иоанна Крестителя и других и выводит заключение, что если такие святые столько терпели, то тем более должны терпеть на земле мы — грешные, что своими бедствиями и скорбями мы очищаем себя от грехов, а это и есть путь спасения.

Замечательны на все времена и для монахов, и для мирян сочинения преподобного Нила о поведении иноков и вообще православных людей. Он говорит о пользе трудов телесных, о воздержании в пище и питии, о принятии странников, о повиновении настоятелю, наставникам, о заповедях соблюдать бедность и нищету, ибо ничего мы с собой не унесем из сего мира в жизнь вечную.

Он говорит о внутреннем или мысленном делании молитвы и о том, что недостаточно внешнего делания без внутреннего.

Преподобный разделяет свой Устав на одиннадцать глав: в главе первой говорит о различении мысленной брани, во второй — о борьбе с помыслами, в третьей — об укреплении в борьбе против помыслов, в четвертой и пятой разделяет помыслы по числу их на восемь, в шестой — о борьбе с каждым из них, в седьмой — о памятовании о неизбежной смерти и неизбежном суде, в вось-

мой – о слезах, в девятой – о хранении постоянного сокрушения, в десятой – о смерти для мира, в одиннадцатой о том, чтобы всё было сделано в свое время. Тропарь преподобному обобщает его многотрудную земную жизнь и подвигает нас обращаться к нему:

“Мирскаго жития отвергся и мятежа житийскаго бегая, преподобне и Богоносне отче наш Ниле, не обленился еси собрати цветы райския от писаний отеческих, и в пустыню вселився, процвел еси яко крин сельный; отонудуже прешел еси и в небесныя обители. Научи и нас, честно почитающих тя, твоим царским путем шествовати, и молися о душах наших”.

СТРАДАЛЕЦ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ

Так назовем преподобного отца нашего Максима Грека, инока Афонского. Преподобный Максим – один из тех мостов, что соединили Русь с Афоном. Не всегда Русь была милостива к святому, но упокоился он в русской земле.

Преподобный родом из Албании, но родители его греческого происхождения, посему он и вошел в историю как Максим Грек.

Конец пятнадцатого века. Греция поработана магометанами. Духовные училища уничтожены. Но родители отрока набожные люди, и они закладывают в сына начатки веры христианской. Отец – важный сановник, имеет возможность дать сыну образование и вне поработанной Греции. Юноша учится в Париже у своего знаменитого соотечественника Иоанна Ласкариса. Древние языки юноша изучает в Венеции. В то время Италия была поражена недугом неверия, но сердце и разум Максима стояли на скальной основе Православия, и он безошибочно разбирался в науках, отменяя вредные и занимаясь полезными. Уже в молодости он выступил против языческих тогдашних заблуждений: о вере в то, что наши судьбы управляются движением звезд, что судьба человека есть дело случая, что нет загробной жизни.

Трудно было жить в мире, зараженном неверием. “Если бы Господь не полюбил меня и не посетил Своею благодатию, и не озарил светом Своим мысль мою, то давно бы и я погиб с находящимися там проповедниками нечестия”, – так писал позднее преподобный об итальянском периоде своей жизни. И не парижский университет, не Флоренция, не Венеция завершили его образование, а Святая Гора Афон. Здесь получил он образование души и сердца, ибо ум его был напитан светскими науками, и он мог бы занять блестящее, по мнению света, место, но он отказывается от самых заманчивых предложений и стремится к иночеству.

Двадцати семи лет от роду, в 1507 году, Максим принимает пострижение в братство Благовещенской Ватопедской обители. Через десять лет обитель совсем обнищала, и Максима, как знающего языки, отправляют в мир для сбора подаяний для обители. И хотя Максим намеревался всегда жить в монастыре и не выходить за пределы Афона, он со смирением принимает нелегкое послушание просителя. Он использует свое послушание еще и для проповеди веры Христовой.

Далее происходит вот что. Великий князь московский Василий Иоаннович обратил внимание на то, что в кремлевских палатах хранятся драгоценные сокровища – византийские рукописи, вывезенные из Константинополя и спасенные от уничтожения турками. Это наследие его отца Иоанна Третьего, женатого на византийке Софии Палеолог. Василий Иоаннович и тогдашний митрополит московский Варлаам обращаются на Афон с просьбой прислать умного инока, знатока древних языков. Письмо повезли торговые люди Василий Копыл и Иван Варравин. Приехали они за знатоком древностей, конечно, не с пустыми руками. Такой знаток на Афоне был – монах Савва. Но он просил пощадить его старость, больные ноги. Прот Святой Горы заменил Савву Максимом. Максим, как бы предвидя будущие страдания, долго отказывался, и только слова игумена о том, что доставить духовную пищу алчущим есть святое дело величайшей любви, склонили его к согласию ехать в далекую северную страну.

По дороге, а она длилась в то непростое время два года, Максим пожил и в Константинополе и в Крыму и, времени зря не теряя, изучил русский язык и русскую письменность.

В Москве местом пребывания Максима был назначен Чудов монастырь, содержание на проживание и труды преподобный получал от Великого князя.

Осмотрев кремлевское книгохранилище, Максим пришел в восторг — такого богатства он не видел нигде. Великий князь и митрополит просили вначале заняться переводом толковой Псалтыри, книги, которая была особо чтима в России.

Год и пять месяцев длилась работа по переводу. Одобренная и князем, и митрополитом, она снискала Максиму новые почести. Максим же просил об одной милости — дозволения вернуться на Афон. Дозволения на это не было. Труды по переводу продолжались. Последовали переводы толкований святых отцов на апостольские Послания, толкование святителя Иоанна Златоустого на Евангелия от Матфея и Иоанна.

А далее следует то, что послужило к несчастьям в судьбе преподобного — ему было поручено выверить по первоисточникам Богослужбные книги. “Жегомый Божественною ревностью, очищал плевелы обеими руками”, — писал он о своих трудах. Но ревнители старины невзлюбили Максима. Начался ропот на “пришельца греческого”, как его называли. Клевета выросла до того, что Максиму приписывали утверждение, что на Руси нет ни Евангелия, ни Апостола, ни Псалтыри. Пока Максима защищал Варлаам, дело переводов и исправления книг все-таки продвигалось.

Но вот на первосвятительскую кафедру заступил Даниил, инок Волоколамского монастыря, который встал на сторону противников Максима. Кроме того, Даниил еще пуще невзлюбил преподобного, когда тот спросил: почему на Московскую кафедру поставлен митрополит без согласования с Константинопольским Патриархом? Ему отвечали, что есть в Москве грамота Патриарха, которой дозволяется русским епископам ставить своих митрополитов самостоятельно. Но никто такой грамоты Максиму не показал.

Новые неудовольствия преподобный навлек на себя, когда отказался переводить Церковную историю Феодорита, находя в ней много актов еретических, могущих стать соблазном для верующих. В повседневной жизни Максим обличал насилие сильных над слабыми, упрекал иноков некоторых монастырей, ставя им в пример монастыри афонские. Кривить душой, говорить не то, что думал, он не мог. Хитрые люди ставили перед ним острые вопросы о положении дел в Москве, а затем пересказывали его речи, искажая их.

Тучи над головой святого сгущались. В Москву, и всегда-то осаждаемую Римом, прибыл на долгое время легат Шонберг, привезший и распространявший “Слово о соединении Руссов и Латинян”. Он обольстил видного боярина Феодора Карпова, других. Преподобный Максим написал ряд сочинений, где вдребезги разбивал доводы папистов и обличал их вероломство. Ходили по рукам и его сочинения против иудеев, магометан и язычников. “Надо проповедовать Евангельскую истину, несмотря на злобу невежества”, — говорил он.

В это время Великий князь решил расторгнуть брак с супругой, детей не имеющей, и сойтись с Еленой Глинской, оправдывая это тем, что нужен наследник престола. Даниил поддержал князя, а Максим встал на сторону церковных правил, заявляя, что так поступать Великий князь не должен.

И тут в ход пошла такая клевета, что поверить в нее было невозможно тому, кто знал преподобного. Но князь уже был не тот, что девять лет назад, когда звал Максима и осыпал почестями. Князь клевете поверил. Она была в том, что будто бы через турецкого посла в Москве Искандера Максим писал султану, чтобы тот шел войной на Россию, что время удобное, что силы военные в Руси слабы, что Великого князя на Москве не любят и прочее.

Преподобного заковали в кандалы и отвели в темницу Симонова монастыря. Всегда искренний, он и на допросах говорил правду. Не скрывал и своего осуждения задуманного брака. Но брак всё равно состоялся. Прежнюю жену Соломонию постригли в монахини. Великий князь, к его чести, распорядился выпустить преподобного.

Тогда враги его выдвинули новые обвинения, они стали буквоедски искать ошибки в его переводах, называли еретиком, будто бы он искажал суть Священного писания. Преподобный смиренно каялся, просил снисхождения, но еретиком себя не признавал. Неумолимый собор не внял его голосу. Преподобный был вновь схвачен, тайно увезен из Москвы, и долгое время не знали, жив ли он.

А он томился в подвале Иосифо-Волоколамского монастыря под строгим прищотом и отлученный от причастия Святых Таин Христовых. На старца даже поднимали руки, морили голодом. Впавшему в отчаяние, ему явился Ангел, сказавший: “Терпи, старец, сими муками избавишься вечных мук”. Старец написал углем на стене темницы канон Утешителю Духу Святому, и ныне воспеваемый в церкви:

“Иже манною препитавый Израиля в пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго, яко да о нем богоугодно служу Ти выну”.

Ученики и друзья преподобного разделили его участь. Их разослали по отдельности в различные монастыри, ставшие для них местами заточения и страданий. В Москву доносили, что старец в грехах не кается, ведет себя гордо.

Через пять лет преподобного привезли в первопрестольную и поставили перед новым судом. Оказывается, в переводе Жития Пресвятой Богородицы, сделанном Максимом, нашли много погрешностей. Старец в ужасе отрекся от обвинений, он так не говорил, это все ему приписано. “Это ложь на меня, я так не мудрствую”.

Новым местом заключения стал Тверской Отроч монастырь. Здесь условия жизни были лучше, чем в прежнем заточении, ибо Тверской епископ Акакий сознавал невинность Максима, часто разделял с ним трапезы, подолгу беседовал. Забегая вперед, скажем, что и Акакий потом изменил свое отношение к старцу, ибо тот, по обычаю не умеющий лукавить и льстить, высказал однажды свое мнение о тверичах и об их пастыре.

В 1534 году опочил Великий князь. Преподобный надеялся на свободу, писал боярам подробное письмо, доказывая свою невинность. На троне сидел малолетний сын от Елены Глинской Иоанн. Бояре вертели им, как хотели, и им не нужен был в Москве такой правдолюбец, как Максим. Новый митрополит, сменивший сосланного в Иосифов монастырь Даниила, милостиво писал старцу, что целует его узы, как единого от святых, но что ничего более не может сделать в его пользу. Кстати, первым, кто заступился за сосланного Даниила, был именно Максим, который, забыв всё, что он претерпел от митрополита, заступался за него, просил облегчить его участь.

Патриарх Вселенский Дионисий и Патриарх Александрийский, столетний Иоаким, писали юному царю Иоанну, прося об освобождении Максима. Это было в 1545 году. Но только в 1551-м старец покинул Тверскую землю, с честью был принят в Москве, а вскоре вступил на землю Троице-Сергиевой лавры. Изможденный заключением, пытками, голодом, кандалами, он был очень слаб физически, но дух его был бодр. Ему было семьдесят лет. В лавре посетил его царь Иоанн Грозный. Он ехал по обету в Кириллов монастырь. Старец обличил царя в избииении невинных, в умножении сиротства на Русской земле, советовал собрать вдов и сирот и оказать им царское покровительство. “Если не послушаешь, умрет твой сын новорожденный Димитрий”. Так и сбылось. Это заставило царя уважать старца и советоваться с ним в важных вопросах. Так, преподобный резко отозвался о ереси Матвея Башкина, сходной с ересью жидовствующих и с кальвинистской. Также старец наставлял царя о том, чтобы в России появился свой Патриарх. Что и было исполнено спустя три года после кончины преподобного.

Опочил старец, духом рожденный на Афоне, в России в 1556 году. Константинопольский Патриарх Иеремия служил над гробом его в Сергиевой обители. Митрополит же Московский Платон устроил над захоронением преподобного палатку. Множество исцелений, происшедших по молитвам святому Максиму, описано в летописи Троице-Сергиева монастыря.

Ныне святые мощи, вновь открытые в середине 90-х годов двадцатого века, почивают в Свято-Духовском храме лавры.

ВИЗАНТИЯ ПАЛА

Не спасла уния Византию. Грянул 1453 год, а с ним взятие Византии, замена Креста на Святой Софии на мусульманский полумесяц, разрушение православных храмов, гонение на христиан.

Афон в тяжкие годы исламского засилья был как свет в окошке для православного монашества. Конечно, и он был притесняем и облагался непосильными

ми даями, иногда его грабили, но главное оставалось – Афон не переставал молиться. Фактически он жил в изоляции от остального мира. Но в те годы и это спасало. Действовали девятнадцать монастырей, к которым в 1541 году добавился двадцатый – Ставроникита. Так сложилось их окончательное количество. Меж ними был поделен Афон, и никто уже не мог, помимо их, владеть землей полуострова.

Первым из турецких султанов пожаловал на Афон Селим Первый. Огромная свита его беззастенчиво обирала монахов. Но он все-таки издал фирман, подтверждающий привилегии Святой Горы. Гостил он в монастыре Ксиропотам.

Были потом и другие визиты турок, чаще разбойничьи. Но грабили не только разбойники, грабили якобы официально. Насельники были обложены хараджем – подушным налогом, который всё увеличивался. Пиратские набеги продолжались. И с суши, и с моря. Монашеская жизнь угасала. Просто даже от того, что часто и питаться было нечем. Игумены решились на крайнюю меру. Тайком стали отправлять монахов за сбором подаяний. Очень хорошо помогали правители Молдавского и Валашского княжеств. Обильные поступления потекли из Москвы, когда в пятнадцатом веке были установлены дипломатические отношения Афона с Московскими Великими князьями и митрополитами. И до этого русские были на Афоне, но сейчас их присутствие узаконилось.

А дела на Святой Горе становились невеселыми. Кроме физических трудностей, ветшания построек, скудного питания, добавилась еще одна трудность, очень значительная – проникновение на Афон обмирщенных людей, торговцев и тех, кто видел в Афоне не школу молитвы, а территорию для наживы. Некоторые монахи и сами дрогнули, уходили на подворья, где жили совместно с “сестрами”, проникали в монастыри и миряне, ленившиеся ходить в храм, но спешащие на трапезу.

Патриарх Иеремия Второй собрал в Салониках афонских старцев, решая с ними трудности Афона. На месте их расследовал, по просьбе Иеремии, александрийский Патриарх Сильвестр. В результате был составлен новый Типикон, вернее, его новая редакция. Монахам запрещалось, что называется, выносить сор из избы, то есть решать проблемы, вытаскивая их за пределы Афона, запрещалось сеять пшеницу, ячмень, торговать орехами, растительным маслом, плодами за пределами Афона. Внутри Афона устанавливались твердые цены на продукты питания и облачения. Изгонялись с Афона безбородые юноши, домашний скот женского пола. Последнее было, по преданию, вызвано еще и тем, что один инок привел козу, чтобы молоком от нее питать тяжело болеющего монаха. Но когда он стал ее доить, вместо молока пошла кровь. Запрещалось также проживание монахов на подворьях вне Афона. А мирянам, приходящим в монастыри, давалось три года на размышление. После этого они или постригались в монахи, или изгонялись. Запрещено было покидать Афон даже для сбора милостыни. Запрещалось производство и употребление водки.

Все эти категорические меры были, конечно, вынужденными. К великому сожалению, они достигли цели лишь частично. Шестнадцатый век, а во многом и семнадцатый, были печальны для Афона. К началу семнадцатого века даже в Великой лавре оставалось менее десяти монахов. Ее спас, в самом прямом смысле, Патриарх Дионисий Третий, избравший лавру для проживания в ней в старости. В 1630 году он принес сюда всё свое состояние.

Единственное, что надо непременно сказать, так это то, что молитва Афона продолжалась, и экономический упадок не угасал ее. Уменьшалось количество молитвенников, но оставшиеся усугубляли, усиливали свои мольбы к Царице Небесной, и Она слышала их.

Пустели, но не прекращали молитвенных бдений Ксенофонт и Русик, Кастамонит. Стояли Иверский, Хиландарский, Ватопед. Монастырь преподобного Дионисия в списке монастырей стал занимать пятое место, опередив Ксиропотам.

АФОН ВЫЖИЛ, НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО

Турецкое иго опустошало не только материально. Культура Греции также страдала. Немалые потери понес и Афон. Книжные сокровища монастырей использовались уже не так интенсивно, как ранее. И все-таки то духовное окорм-

ление православного мира, которое всегда свершал Афон и благодаря которому он и был, прежде всего, известен продолжалось.

В начале семнадцатого века иеромонах Иерофей продолжает составление “Повести об Иверском монастыре”, начатой еще в шестнадцатом веке монахом Феодосием. А в конце семнадцатого иеромонах Григорий (монастырь Кастамонит) пишет “Записку об основании сего монастыря и монашеского жительства на Афоне”. Продолжается и необходимейшая работа по переводу Священного Писания и Святоотеческих книг на разные языки.

Но где святость, там и нападения на нее врагов нашего спасения. В эти же годы продолжают и вползания к святогорцам лазутчиков Ватикана. Под всякими, на первый взгляд, благовидными предложениями. Папа Григорий Пятнадцатый прислал на Афон якобы помощников монахам в образовании, иезуитов Антония Василопула и Канакия Россиса. Они организовали целую школу в Карее, которую посещали двадцать монахов. Только по требованиям Константинопольского Патриарха школа была удалена с Афона. Хорошо бы, если не только с Афона, но и вообще из Греции. Но из Греции католические учителя не ушли, они открыли школу с еще большим количеством учеников в Фессалонике.

Но нет худа без добра. Может быть, именно эти иезуиты натолкнули на мысль о создании собственных православных монашеских учебных заведений. Иеромонах Ватопеда Мелетий организовал в обители духовную школу, которая должна была стать “оплотом греческих знаний, воспитания и всяческого научения в области как философских, так и богословских наук”. Школа это вошла в историю Афона как академия “Афониада”. Вначале в ней было двадцать иноков, а к 1756 году сто, а еще через два года – двести. Патриарх Кирилл Пятый утвердил ее устав. Именно в ее стенах было создано много душеполезных сочинений. Отсюда разносились по свету, спасая души людей, книги о христианском учении, издавались труды великих святителей Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого. Составлялись сборники, назовем их Христоматиями, изречений святых отцов.

Руководитель академии ученый грек монах Евгений Булгарин в конце жизни принял русское подданство и умер в сане епископа Херсонского. Чтобы договорить об Афониаде, скажем, что трудности, в основном материальные, привели к ее закрытию в 1799 году. Но попытки возобновления духовного образования не прекращались и в девятнадцатом веке. А в 1930 году Афониада была восстановлена как Афонская священническая школа. Через двадцать три года в странноприимном корпусе Андреевского скита, близ Карей, открылось Афонское церковное училище, преобразованное в 1972 году в академию с шестилетним сроком обучения. Целью обучения являлось “всестороннее образование святогорских монахов в согласии с духом Православной церкви и древнего святогорского учения”. Среди выпускников академии были и миряне.

Но вернемся к порядку повествования.

Мы уже упоминали о помощи Афону от московских правителей. Она пришла и в труднейшее время начала восемнадцатого века. В 1707 году к Петру Первому прибыл игумен Пантелеимоновой обители Варлаам. Получил из царской казны щедрые пожертвования. Через пять лет Варлаам вновь был в Москве и вновь уехал с дарами. Преемник Варлаама Киприан приезжал в Москву в 1720 году. Получил милостыню и деньгами, и книгами, и церковной утварью.

Это же время запечатлено паломничеством по святым местам Востока воспитанника Киево-Могиланской академии Василия Григоровича-Барского. Он, после посещения италийских и греческих святых мест, пришел на Афон и обошел его весь, посетив все двадцать монастырей и множество скитов. Именно обошел, свершая, как говорят монахи, молитву ногами. “И тако мне умислившу все тамо святы посетити монастыри, начах ходити чинно первее по стране восточной”. От Изографа, Хиландаря, через Ватопед и Пантократор, Ставроникиту и Кутлумуш, Иверон и Филофей и далее, далее раб Божий Василий, тогда еще совсем молодой, прошел весь Афон.

Многое множество страданий претерпел паломник. Он пишет: “Аз же разумев быти оную пакость от христоненавистного врага диавола за посещение Святых мест, и молих Владыку и Творца моего, да мя избавит от него, в скорби же оной таково сложих Утешение грешной и окаянной душе моей”.

Следует в Записках и само это Утешение. Первые буквы каждой строки, читаемые сверху вниз, составляют имя и фамилию Василия Григоровича-Барского. Записки Григоровича-Барского были широко известны в России и послужили добрую службу желающим спасения на Святой Горе. А многие вообще впервые узнавали о ней из записок паломника.

ВОЗОБНОВИТЕЛЬ РУССКОГО МОНАШЕСТВА

Петровские реформы в области религии, упразднение Патриаршества, секуляризация церковного имущества ускорили исход монахов из России. Те, кто особенно желал строгой монашеской жизни, шли в Молдавию, в Мерлополянскый скит, где их принимал, без преувеличения сказать, великий Паисий Величковский.

На Святую Гору он ушел в 1746 году. В 1757 году основал скит пророка Илии, Ильинский, для “братии молдавского и словенского языка”. Для прославления преподобного Паисия хватило бы уже и того, что, вернувшись в Россию, он возобновил в ней монашескую жизнь, но надо перечислить и его труды, хотя бы основные. Ведь именно он перевел на русский “Добротолюбие”, сочинения Исаака Сирина, “Огласительные слова” Феодора Студита, сочинения Григория Паламы, Максима Исповедника, Варсонофия, сборник “Восторгнутые класы”, то есть колосья, собранные с нивы Господней, в который входили тексты Иоанна Златоуста, Мелетия, Фотия, Марка, Зосимы, Феогноста...

Годы, в которые прибыл на Афон преподобный Паисий, были печальны для Святой Горы. Примерно в это время посещает Афон уже упомянутый Василий Григорович-Барский. Он указывает на причину упадка монашеской жизни – это притеснение от турок. Честно сказать, и не только. Притеснение русских было и от греков. Славянское племя на Афоне тиранилось и одновержцами. Наши соотечественники, пишет Барский, вынуждены были “сема и овамо по горам скитаться, и от труда рук своих зело нужно и прискорбно питаться, от всех презираемы. Лиси язвины имут, и птицы гнезда своя, россы же не имут, где главы приклонити на столь прекрасном, уединенном и иноческому житию весьма приличном месте”.

Широко известно житие святого Паисия. Не мыслящий спасения души и монашеской жизни без наставника, старца-духовника, он был лишен этого и спасался с помощью святоотеческих книг. Молва о его святой жизни не могла укрыться. К нему притекали отовсюду. Почти в отчаянии он взывал к инокам, что он и сам чаеет наставничества, но число их всё увеличивалось.

Всё прошел святой Паисий: и крайнюю нищету, когда иноки, получив милостыню, от истощения едва могли ее донести, и наветы, и клевету. Преподобный Паисий исследовал все виды монашеского пребывания на острове: и общежительный, и особножительный, и уединенный, отшельнический. Ставя новоначальным в пример труды святого Григория Синаита, он предупреждал об опасности перехода отшельничества в самочиние и самомнение. “И великий Варсонофий, – назидал преподобный Паисий, – говорит, что преждевременное безмолвие бывает причиной высокоумия”.

У монастыря Пантократор святой Паисий выпросил пустующую келью пророка Илии, ибо уже негде было селиться приходящим братьям, и возобновил, а вернее сказать, основал Ильинский скит. Здесь с помощью жертвователей и трудами братии он выстроил церковь, трапезную, пекарню, странноприимный дом и кельи для иноков.

Претерпевши еще многие и многие злоключения, святой Паисий принял решение – уйти с Афона, ставшего для него негостеприимным. Для России это решение было спасительным. Несколько десятков монахов, ушедших с Паисием в Нямецкий монастырь, близ Кишинева, стали именно тем костяком российского монашества, который с конца восемнадцатого века возродил и усилил влияние Слова Божия на российскую паству.

В малое время насельников Нямецкого монастыря стало до тысячи человек. Так велика была слава афонского пастыря. Святой Паисий принимал всех. “Идущего ко Господу не изждену вон”, – говорил он. Когда братия роптала, что им

и самим-то нечего есть, старец отвечал: “Прибыл брат, прибыла и молитва, пошлет Господь и на него пищу”.

Но и взыскивал старец строго. Увидев послушника, идущего по монастырскому двору неблагочинно, размахивающего руками, он не его наказывал, а его духовника. “Как ты наставляешь учеников? Монах ступает кротко, руки на груди, очи в землю, главу склонить, каждому встречному поклон. Иеромонаху или монаху до земли, равному себе, – в пояс. Послушник еще не монах, но он уже в монастыре, пострижен или нет, должен соблюдать монашество”.

Протоиерей Сергей Четвериков, исследователь жития святого Паисия, приводит список лавр и монастырей, которые основали или в которые принесли афонские уставы ученики преподобного. В списке сто семь обителей. Причем протоиерей Сергей извиняется за то, что список далеко не полный. Здесь и Александро-Невская лавра, и Пафнутьев-Боровский монастырь, и Александро-Свирский, и Валаамский, и Арзамасский, и Свято-Вознесенский Нямецкий, и Елецкий, и Коневский, и Козельщанский, и Николо-Угрешский, и Тихвинский, и многие другие. И родная нашему сердцу Саровская пустынь.

Пока мир наш будет еще жив, память о великом старце Паисии будет нас спасать и согревать.

ОТЕЦ КЛЕОПА И ДРУГИЕ

Справедливо и уместно рассказать о старце Клеопе. Это еще один, и очень основательный, мостик меж Афоном и Россией. Отец Клеопа может быть назван и учеником преподобного Паисия Величковского, и его соратником. Они вместе подвизались на Святой Горе. Уроженец Киева отец Клеопа служил до Афона и в монастырях Молдавии, но Господь судил ему главным делом служения определить среднюю Россию, владимирские, покровские леса, остров на озере Вятском.

Екатерининские времена. Отношение к монастырям еще очень прохладное. Хотя в их пользу говорит то, что “прожекты” Петра Первого – превратить монастыри в мануфактуры – провалились, и пушки, отлитые из металла колоколов, составили весьма малое количество вооружения. Но при дворе бытует мнение, что монашество в России не прижилось. Светлейший князь Потемкин Таврический, беседуя с влиятельным епископом Переяславским Сильвестром, высказывает мнение, что в России нет старцев, таких, как в Молдавии и Греции. Владыка Сильвестр горячо возражает, указывая на отца Клеопу. Светлейший, знакомясь со старцем, восхищается умом и хочет немедленно представить его императрице. Но старец смиренно уклоняется от такой чести.

В основанной старцем Клеопой Введенской пустыни учреждается богослужебный афонский устав. И взято не только внешнее подражание афонцам, но и сама суть молитвы. Вот слова старца: “В голову камень класть, поститься, на голой земле спать” – это пустое. “Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, – сказал Господь, – а не чудес каких-нибудь обещал”.

Крестьяне украли монастырских коней. Были пойманы. Отец Клеопа заступился за похитителей, говоря, что они решились на грех от крайней нужды, и одного коня отдал просто так.

Через духовное окормление афонского старца прошло множество тогдашних российских монахов: архимандрит московского Симонова монастыря Игнатий, архимандрит Кирилло-Новоезерского монастыря Феофан – это его ученики. А ученик Макарий, впоследствии настоятель Песношского монастыря, и сам стал родоначальником многих обителей. Как и его наставник, отец Клеопа, Макарий был неутомим в подвигах духовной жизни, любви отеческой.

В Песношской обители был также устав Афонской Горы. И по этому уставу устроились и прочие обители: Давидова, Берлюковская, Екатерининская, Медведева, Кривоезерская, монастыри Голутвинский, Сретенский и, наконец, Оптиная пустынь. Московский митрополит Платон всегда приводил в пример монашествующим подвиги отцов Клеопы и Макария. А это как раз и был тот незримый, но прочный мост, по которому в Россию шла благодать со Святой Горы.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Время Афона, несмотря на нестроения в братии и нападения извне, продолжается течением времени, переходом в девятнадцатый, грозовой век, предтечу еще более страшного, двадцатого.

Ярчайший представитель Афона этого времени, несомненно, Никодим Святогорец. Годы жизни 1749–1809. Придя в двадцать пять лет на Афон и получив через два года постриг, Никодим, по данной ему от Господа книжной премудрости, подготовил к изданию “Добротолюбие”, издал также “Собрание богопрореченных слов и поучений богоносных святых отцов”, трактат “Апология веры”. Несомненную пользу для души несет его книга “Невидимая брань”. Она достигла России и ее пределов, когда, по Божией благодати, через преподобного Паисия Величковского знание о Святой Горе стало не только монашеским, но и общим достоянием. Никодим Святогорец составлял и афонский патерик. Позднее к “Добротолюбию” добавилось издание “Древних иноческих Уставов”.

В 1955 году по ходатайству афонских монахов Константинопольский Патриархат причислил преподобного Никодима к лику святых. К пятидесятилетию со дня прославления преподобного и у нас, и в Греции вышло, к радости его почитателей, подробное описание жизни и творчества святого.

“Он трудился до самой смерти над просвещением народа, – пишет Мануил Гедеон и восклицает: “О, если бы в каждом веке являлось по Никодиму!” Современный нам афонский монах Феоклит Дионисатский, описавший жизненный путь святого Никодима, в завершение изумленно вопрошает его: “Святейший отче Никодиме, скажи нам, какими жалами было уязвлено чистое твое сердце, что ты был возведен на толикую высоту любви? Скажи нам, где пас ты овец твоих чистых помыслов?”

Есть выражение – Богодухновенные писания. Это о трудах святого преподобного Никодима Святогорца.

ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ С ВЕЛИКОЙ ВОЛГИ

Игумен Парфений, писавший о Святой Горе, был еще и искусным художником. Он оставил после себя гравюры, на коих запечатлел афонских монахов. Одна из запоминающихся – изображение иеросхимонаха Арсения. Склонивши голову, прижимая правой рукой к сердцу монашеские четки, держа в другой свиток со словами: “Твой есмь аз, спаси мя”, старец молитвенно устремил взгляд в ему одному видимое пространство.

Нижегородская губерния, город Балахна, волжские просторы дали миру сего дивного исповедника веры Христовой. От роду он был наречен Алексеем, затем, при пострижении, Авелем, и уже потом, на Святой Горе, Арсением. А на нее он рвался всем сердцем, услышав рассказы о ней. И в Песношской пустыни, и в молдавском Балашевском скиту он говорил о желании пойти на Афон. Но уж очень время было неподходящее, Греция была под турками, кишели они и на Святой Горе. Не сумевши навязать монахам мусульманство, проливши при этом много неповинной крови, турки обложили монахов многими данями. А что взять у монаха? Нечего? Тогда избивали. Эти рассказы доходили до России. И все равно, горячее желание уйти на Афон и разделить там с монахами их участь не проходило.

В Молдавии Алексей принял постриг и обрел верного друга, монаха Никандра, с которым они и двинулись в спасительный, скорбный путь. Но перед этим долгое время, во имя отсечения своей воли, они повиновались духовному отцу и служили Господу в монашеском звании, не дерзая без благословения уходить в Грецию.

Турецкая разнузданность дошла до того, что в 1821 году в Константинополе был убит захватчиками Патриарх Григорий. Греческая кровь лилась по улицам столицы Византии. Греки говорили монахам Авелю и Никандру: “Зачем вы, отцы, приехали к нам теперь? У вас, в Молдавии, так не режут баранов, как здесь режут православных. По сто, по двести в день. И это на площадях. При всех, а сколько гибнет всего, неизвестно. И на Святой Горе полно грабителей. По морю корабли не ходят, а вся суша забита разбойниками”.

Но монахи решили разделить участь страдальцев. Зиму провели в Константинополе. Просили милостыню, делились ею с греками. “Сколько скорбей пре-

терпели, про то только Тот знает, Кто их послал в дорогу”, – пишет святогорец Антоний в книге о подвижниках благочестия на Афоне в девятнадцатом веке.

На Святой Горе что увидели они? “Монастыри стоят запертые, а монахи иные разбежались по разным странам, иные скрылись по непроходимым лесам и вертепам, и мало где кого видно было. Отцы наши пошли к Самой Игуменье Афонской в Иверский монастырь”.

Там они узнали чудо, которое ободрило их и дало силы на начало жития в монастыре. Главная икона обители вся была убрана в золото, и серебро, и драгоценности. Но стояла в целостности и сохранности. Как так? Монахи объяснили, что на такое богатство турки зарились непрерывно долгое время, пока не убедились, что какая-то необъяснимая для них сила не подпускает их к иконе и даже вообще не дает зайти в храм.

Новопришедшим из России выделили келию и благословили самим искать пропитание, ибо едоков у монастыря было с избытком, одних турок приходилось кормить несколько десятков. “Отче, – спрашивал я старца, – чем вы питались?”. Он же отвечал мне: “А что Господь сказал? Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам” (Матф. 6:33). И не мы одни пропитались, но более тысячи оставалось на Святой Горе, и всех Господь пропитал”.

Отошла смута, и стало полегче. Хотя деньги, выручаемые за выделывание ложек, старцы отдавали еще более нуждавшимся.

В великой схиме отец Авель был наречен Арсением, а Никандр Николаем. Поселились в одном часу ходьбы от Иверона в непроходимой пустыни, в келии во имя святого Иоанна Златоустаго. Инок Парфений вспоминает:

“Многажды мне случалось у них ночевать... С той поры как они пришли на Святую гору, отец Николай прожил 19 лет, отец Арсений 24 года, и не вкусили они ни рыбы, ни сыру, ни вина, ни масла. Пища их – сухари, моченные в воде, и те носили на своих плечах из Иверского монастыря в гору. Еще любили красный стручковый перец. Вот повседневная их трапеза: сухари, перец и баклажаны, случался и лук, ежели кто принесет. Соленые маслины и смоквы (инжир) предлагали только гостям. И всегда кушали однажды в день, в третьем часу пополудни, а в среду и пяток оставались без трапезы. По келиям занимались чтением духовных писаний. Вечерню правили по уставу, читали всегда со вниманием и со слезами, не борзясь, тихо и кротко, потом повечерие с канонем Богородице, и на сон грядущий молитвы. Ночь всю провождали в бдении, молитвах и поклонах. Если сон их преклонял, сидели не более часу во всю ночь. Часов у них не было, жили по времени, которое отбивал колокол Иверского монастыря, хорошо слышимый. В полночь соборно читали полуночицу, а потом утреню по уставу. После утрени читали всегда канон с Акафистом Пресвятой Богородице. Потом предавались безмолвию. Когда рассветало, занимались рукоделием. Разговоров меж собой не имели. Читали часы и молебен Божией Матери, а потом трапезовали. И так проводили дни и ночи”.

Радостен для иноков Арсения и Николая 1836 год. Великий постник, иеромонах Аникита (князь Ширинский-Шихматов), обошедший всю Афонскую Гору, посетил и наших отшельников. Полюбил их, просил отца Арсения стать его духовником и пригласил в поездку во Святой град Иерусалим. Проведя во Святой Земле зиму, встретивши Святую пасху, они вернулись в свои келии.

Первым из друзей отошел ко Господу старец Аникита. Через три года он явным образом явился старцу Николаю. “Исполнилась вся келия света. Муж в облачении говорит мне: “Узнал ли, кто я?” Я ему ответил: “Воистину, ты – отец Аникита, наш друг и спутешественник во Иерусалим, и уже третий год, как помер”. Отец Аникита предсказал, что после четырех дней и отец Николай освободится от всех скорбей и болезней. “Меня Господь послал утешить тебя”.

Так и случилось. Отец Арсений остался один, затворился в келии и не выходил ни к кому целый год. Потом получил от Господа извещение, что остался пожить в сем мире ради братьев.

Вышел из затвора и успел еще принять к себе в ученики достаточное число монахов. А под старость случилось ему предпринять длительное путешествие по делам монастыря в Константинополь. Пройдя тысячу километров, Арсений явился пред Патриаршими очами. Почему не на корабле, спросил тот старца. Арсений честно признался, что не имел чем заплатить за проезд. Патриарх просил старца взять денег на обратную дорогу.

В начале 1846 года, когда стало тепло и уже можно было копать землю, старец Арсений все свободное время проводил в огороде. Когда ему сказали, чтобы он и учеников привлекал к работе, он ответил: “Они без меня еще накопаются”. Из чего монахи убедились, что старец готовится к исходу. Он был очень болен, но каждую седмицу служил четыре литургии.

Марта 23 числа призвал к себе учеников, просил подходить по одному, всем давал наставления, каждого прощал, у каждого просил прощения. Потом просил оставить его одного. Они не могли слышать, что он говорил, но понимали, что он молится. Издали увидели, что он трижды воздевал руки к небу, потом сам лег на свое ложе и затих. Вернувшись, поняли, что душа его отошла к Царю Небесному.

“Отец Арсений, – пишет святогорец Антоний, – лицом был чист и весел, очи наполнены слез, был весьма сух, но на лице всегда играл румянец, во время литургии лицо его было яко огненное. Речь его была кроткая, немногословная, весьма начитан был Священного и отеческого писания, свидетельства из них всегда говорил наизусть. Ученики, с ним жившие, никогда не видели его спящего, а больше на ногах и мало сидящего... Через три года, по афонскому обычаю, откопали его кости, они оказались желтыми, как воск, и испускали благоухание”.

СВЯТОГОРЕЦ И ЕГО ПИСЬМА

Появился и свой, афонский воспеватель иноческого жития на Афоне, монах Сергей Святогорец. Он прожил очень мало, всего тридцать девять лет. Годы жизни 1814–1853. Но успел многое. В миру он звался Веснин Семен Авдиевич, учился в вятской семинарии. Был наделен несомненным литературным даром. Тогда Россия зачитывалась сказкой Ершова “Конек-горбунок”. Она и в наше время пришла как классика сказки для детей и взрослых. Именно подражая этой сказке, Семен Веснин сочинил и свою “Вани-вятчане”. Описание смешных, веселых, неунывающих недотеп очень полюбили читатели. И как эти Вани в Москву ездили, как их на ярмарке обокрали, как они вора поймали, как на войну ходили, как ружье заряжали, да как стреляли, да как сами же от выстрела легли, как толокно в прорубь сыпали да лаптем мешали, да как их жены не узнали... Все это, написанное народным языком, издавалось и служило добрую службу добрым людям. Ведь все приключения и подвиги Ваней-вятчан заканчивались славословиями Богу.

Рано принял Семен Авдиевич монашеский постриг и уже в 1843 году принял святую схиму на Афоне. В 1850 году монах Сергей Святогорец был самым, может быть, читаемым автором в России. В Санкт-Петербурге вышли в свет его “Письма к друзьям своим о Святой Горе Афонской”. Письма открывали читателям целый материк жизни, известной дотопе не очень большому кругу.

Трогательное и поныне целебное чтение “Писем” Святогорца ведет нас по святым местам, возводит на вершину Афона, говорит о преданиях Горы, о монахах и послушниках, о долгих молитвенных бдениях, подает духовные советы спасения души в мирской жизни:

“... без скорби не приведи Бог жить. Того ли, другого ли рода несчастья, а они необходимы для души нашей: иначе горе нам в день вечери небесной. Туда всякий должен явиться в одежде, очищенной слезами, потом и кровавыми трудами собственных подвигов, а главное, в одежде, освященной кровию Христовою. Значит, наше существенное дело – страдать и плакать, плакать неутешно!.. Если мы не плачем, то плачут за нас наши добрые ангелы-хранители, видя, что наше дело плохо и что мы идем не крестным, а пространном путем... Вместо пасхального красного яичка прилагаю при сем пустынный цветок, которого не знаю ни названия, ни рода. Эти цветы у нас долго ведутся”.

С восторгом отзывался о “Письмах” Святогорца Николай Васильевич Гоголь. Когда отец Сергей приехал в Петербург, они познакомились. Монах Сергей звал писателя посетить Афон. Писатель согласился с радостью, и только кончина его помешала сбыться намерению.

Печатались и духовные стихи Святогорца, его дневниковые записи про афонские будни, названные “Келейные записки”, его “Путеводитель по Афону”. Он создавал вслед за Никодимом “Афонский патерик”. Но все это увидело свет

уже после земной кончины автора. Начиная с 1854 года, за десять лет вышло не менее десяти изданий схимонаха Сергия Святогорца. Несомненно, благодаря ему на Святой Горе Афон к двадцатому веку только в Пантелеимоновом монастыре было около ста монахов – выходцев из вятской земли.

Одно заметим. В своей всепоглощающей любви к Афону отец Сергий говорил даже, что уже одно присутствие монаха на Святой Горе спасает его душу. Нет, конечно. Митрополит Филарет, одобряя публикацию трудов Святогорца, это место не одобрял.

После преселения духовника русских монахов на Афоне старца иеросхимонаха Арсения в небесные обители на Святой Горе непререкаемым авторитетом стал его преемник старец Иероним. Не только русские, но и греки, и сербы, и болгары, и румыны видели в нем сердечность, искренность, молитвенную помощь. Он помнил предсмертные слова старца Арсения, бывшего тридцать лет общим духовником: “Страх и ужаса не имею, но радость наполняет мое сердце, ибо великую имею надежду на Господа Бога моего Иисуса Христа, что Он не оставит меня Своею милостью. Хотя я добрых дел и не сотворил, но и по своей воле ничего не сотворил, а что творил, то с помощью Господа моего, по Его воле святой”. То, что старец ничего не свершал по своей воле, а только по воле Божией, и было главным для отца Иеронима.

Великое свершилось: всего десять монахов оставалось в Русике, когда туда пришел отец Иероним, а к концу его преселения в вечность их было восемьсот.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ НАСТОЯТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ

Отца Иеронима сменил отец Макарий, выходец из богатой купеческой семьи Сушкиных из города Тулы. Именно на нем остановил свой выбор отец Иероним. Греки ревновали. Грек Герасим, настоятель Пантелеимонова монастыря, был стар, уже давно и хозяйственными, и духовными делами управлял отец Иероним. Для него не было разницы, какой национальности монах, главное – его молитвенность.

Огорчаясь духом ревнования к власти, старец искренне хотел одного: чтобы бразды правления находились в надежных руках. Авторитетом для греков был настоятель Герасим, и именно он, столетний уже, назвал кандидатом в настоятели русского монаха Макария. И еще два обстоятельства послужили сему доброму делу: к этому времени большинство братии в монастыре были русскими, первое, а второе то, что константинопольский Патриарх и его синод признали отца Макария в сане настоятеля.

Это было событие решающее – утверждение России на Афоне. И событие справедливое. И сама личность отца Макария была настолько значительная, его душевные качества: любовь ко всем, смирение, терпение, его всеобъемлющие знания как духовной, так и экономической жизни – вскоре убедили и греков в правильности выбора. Своею кротостью и мудростью, благоразумием отец Макарий убедил всех, что нисколько не выделяет из среды монахов русских, ему важно исполнение монашеских обязанностей.

Святые Иероним и Макарий первыми на Афоне ввели обычай раздачи подавания и прокормления нищих монахов и просто нищих. Ведь в числе нищих (по-гречески нищий – сирмаха) были великие избранники Божии, взявшие добровольно на себя Крест нищенства.

Их трудами и в их дни свершилось великое – основание Нового Афона в пределах российских, на месте подвигов и мученической кончины апостола Симона Кананита. Тут устроилась общежительная обитель под именем Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря по чину и уставу Пантелеимонова монастыря. Здесь возглавил братию благословленный отцом Иеронимом иеромонах Иерон.

В первопрестольной, на Никольской улице, была устроена часовня в честь святого Пантелеимона. Она была столь велика, что воспринималась как огромный, красивый собор. Это было место связующего звена России и Афона. Тут был склад изданий святоотеческой афонской литературы, шли непрерывные молитвы за русских иноков на Афоне. И здесь же издавались знаменитые афонские листки под названием “Душеполезные размышления” и “Душеполезный собеседник”.

Возьмем ныне переизданные выпуски за 1889 год. Разделы: “Уроки слова благодатного”, “Афонская летопись”, “О молитве”, “Из дневника православного христианина”, “Афонский патерик в поучениях”, другие – содержали просто написанные, доходчивые поучения, проповеди, советы о благочестивой жизни. Примеры из жития святых отцов, извлечения из святоотеческой литературы, примеры спасения души в мирской жизни – все это было целительно и необходимо для людей и церковных, и особенно для еще только воцерковляющихся. Вот несколько примеров из раздела “Золотые блески”:

“Если бы кто сидел в темнице, и нашелся бы человек, который бы вывел его оттуда на свет, то вышедший из темницы во всю свою жизнь был бы благодарен своему благодетелю. Как же нам не помнить благодетельное Спасителя нашего Иисуса Христа, освободившего нас от тьмы сатанинской и открывшего нам дорогу к царствию небесному”.

“Священное Писание и церковная история исполнены примерами, могущими утвердить душу нашу во внимании к собственному спасению и уверить нас, что ни достоинство, ни звание, ни чин, ни состояние не могут воспрепятствовать нам на пути святости”.

“Строгие обличения весьма часто приносят вред вместо ожидаемой пользы. Духовные врачи обличения свои должны растворять мягкими словами, умеряя тем их горькость, и таким образом открывая им благоприятный вход в ум и сердце обличаемого, во исцеление немощей душевных”.

Афонские листки, при невероятной тогда дешевизне – рубль за все годовые выпуски, расходились по всей России.

Много сделал для издания афонской литературы для России протоиерей Андрей Ковалевский и поэт и библиограф С. И. Пономарев. Первый был составителем посмертной биографии иеросхимонаха Иеронима, а затем биографии священноархимандрита Макария, а С. И. Пономарев написал стихи “Из афонских воспоминаний”. Вот несколько строк из стихотворения, названного: “Старцу Иерониму. В ответ на присланные от него розы”.

*Зимы отшельники не знают.
Зима для них в календаре,
А в кельях их благоухают
Живые розы в декабре...*

*Но много лучше роз прекрасных
Цветенье чувств твоих, речей,
Благоухающих и ясных
И в самой старости твоей.*

*Цветы увянут — запах нежный
От них безвестно улетит,
И жизнь заботой неизбежной
Его и в памяти затмит.*

*А святость чувств благих, сердечных
Неувядаемо живет
В воспоминаньях безконечных
О том, кто внутренне цветет.*

*Ты — цвет Афона, ты — виновник
Других цветов в краю чужом:
Ты — первый опытный садовник
В цветущем Русике твоём!*

*О, пусть же Промыслom верховным
Господь хранит из года в год
Тебя в сем цветнике духовном,
Тебя, как лучший цвет и плод!*

Эти сердечные стихи можно с полным правом отнести и к священноархимандриту Макарию. Как описать сутки его афонской жизни? День его начинался в глубокую полночь. Спал в подряснике часа полтора до утрени. Исповедь у него продолжалась часа три. Он не допрашивал о грехах по требнику, а так действовал на исповедующегося своим состраданием и желанием помочь исправить греховную жизнь, что люди сами открывали самые затаенные движения своего сердца. Далее старец служил раннюю литургию, служил так истово, что она оканчивалась иногда одновременно с поздней. Шел в келью, но у нее теснилось множество просителей: келлиоты, отшельники, сиромахи, пустынножители, мирские. И русские, и греки, все, кто хотел увидеть старца. Не удавалось иногда выпить чашки чаю. У кого калива разваливается, у кого денег нет на обратную дорогу, у кого обувь изнасилась, одежда изорвалась... всех выслушивал старец, никому не отказывал. Давал деньги на дорогу, но, как правило, эти деньги возвращались благодарными паломниками с лихвой. Старец обходил все службы монастыря, шел на кухню, огород, скотный двор, на постройки. А сколько он писал писем жаждающим получить от него спасительный совет. И никогда не пропускал служб, отстаивал все ночи.

Отец Иероним умер в 1885 году, 14 ноября. Его главное завещание вместились в две строчки, написанные собственноручно: “Не ищи здесь, на земли, ничего, кроме Бога и спасения души”.

Через три года пришел черед и отца Макария. 18 июня было празднество в честь новомучеников, пострадавших от турок. Оно совпало с днем чудотворной иконы Божией Матери Боголюбской. Отец Макарий распорядился перенести празднование иконе на следующий день. Боголюбская икона была для него особенной. Ею благословили его родители, когда он уезжал на Афон. Именно в этот день, после литургии, которую он служил с особым умилением, он удалился в алтарь, склонился на подоконник. Силы оставили его.

Редкие, печальные удары колокола возвестили Афону о преселении в обители вечные первого русского настоятеля Русского монастыря. 21 июня, после литургии в Покровском, самом вместительном соборе монастыря, началось прощание с настоятелем. Простой монашеский гроб вынесли из собора. На каждом этаже служились литии. Отпевание возглавил преосвященный Агафангел. Оно было на двух языках и продолжалось очень долго. По окончании отпевания, в сопровождении ста сорока священнослужителей, гроб обнесли с Крестным ходом вокруг Пантелеимонова собора. В ограде монастыря было негде протолкнуться.

На четвертый день огласили завещание старца. Главное в нем – увещевание братии к любви друг ко другу, забота о порядке в обители. “Еще мое усердное завещание вам, отцы и братия: врата обители да не затворяются никогда для нищих и убогих”. Завещание это исполняется монахами и донныне.

“Каких мощных сил, – восклицает автор жизнеописания святых Иеронима и Макария, – были исполнены эти два великие старца! Сколько борьбы, борьбы непосильной, почти сверхъестественной, пришлось им испытать – одному при насаждении, а другому при воспитании и утверждении этого афонского вертограда Христова – Русского Пантелеимонова монастыря. Вообще, все, что мы видим во внешнем и внутреннем благоустройстве монастыря прекрасного, доброго, чистого и святого, – все это плоды ревностных трудов иеросхимонаха Иеронима и священноархимандрита Макария”.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ И РЕВНОСТЬ К НЕМУ

Трудами этих великих отцов возросло русское присутствие не только на самой Святой Горе, но и в России возвысилось почитание афонских иноков. Самая сильная в мире православная держава Российская приняла Афон в свое сердце. Если доселе афонских старцев помнили и чтили, в основном, по монастырям российским, то с половины девятнадцатого века известность Святой Горы стала повсеместной. Да, она была далеко географически, но входила в каждое православное сердце и согревала его. Великая благодарность за афонскую, спасающую мир, молитву вызвала в благочестивых сердцах заботу о Святой Горе. На Афон шли пожертвования отовсюду. Благодаря им с невиданным размахом, доселе поражающим воображение, были сооружены новые здания су-

ществовавших ранее скитов святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и святого пророка Божия Илии. Они уже существовали, но русские вдохнули в них новую жизнь. В 1845 году в Ильинском скиту останавливался Великий князь Константин Николаевич. С благодарностью упомянем, что монастырь Пантократор помогал Ильинскому скиту в знак уважения к его основателю старцу Паисию Величковскому и к его трудам.

Сейчас, когда состояние скитов оставляет желать лучшего, когда они в ведении греков, трудно представить, что когда-то в Пантелеимоновом монастыре служилось в день... 36 (тридцать шесть!) литургий. Это сколько же служащих и молящихся? В одном Ильинском скиту было когда-то четыреста русских иноков. Греки возревновали и постановили, чтобы число братии в Ильинском скиту не превышало ста двадцати и двадцати послушников. Как говорится, из песни слова не выкинешь. Были и более горькие примеры неблагодарности хозяев к русским.

В вышедшей уже в наше время греческой книге “Святая гора Афон” (изд-во “Рекос”, Салоники) черным по белому пишется: “В XIX веке в результате экспансионистской политики России началась конкуренция по строительству монастырей между русскими, болгарскими, румынскими и сербскими... В 1839 г. русские захватили скит пророка Илии, а в 1849 г. келию св. Андрея, превратив их в общежительные скиты”.

Оставляя выписку без комментариев, не для упрека, а ради исторической правды, вспомним хотя бы некоторые примеры помощи от России Афону.

Помощь эта всегда была: и от царей, и от частных лиц. Так, в 1707 году монах Варлаам получил для Пантелеимонова монастыря лично от императора Петра Первого крупную сумму. Петр подписал Указ о материальной помощи Афону. Все просители пожертвований переводились в ведение Синода. Анна Иоанновна учредила так называемые Палестинские штаты – фонд, из которого регулярно уходили изрядные суммы восточным Патриархам и монастырям, в том числе, в первую очередь, афонским. За пособиями приезжали раз в пять лет. Если же какие-то обстоятельства препятствовали приезду, то пособия выдавались за все время.

Московская синодальная контора выплачивала деньги Великой лавре святого Афанасия, Ватопеду, Хиландарю, Зографу, Григориату, Павловскому, Иверскому, Пантелеимонову монастырям, Эсфигмену, Дионисату и Филофею. Никто не был обойденным. И в самой Москве на правительственном содержании было подворье Иверского монастыря и московский греческий Никольский монастырь.

Но бросим камешек и в свой огород. Греков поддерживали, а на своих смотрели искоса. Вот цитата из книги А. А. Дмитриевского “Русские на Афоне”: “Русское правительство, духовное и светское, смотрело на выходцев из России, удалявшихся на Святую Гору ради подвигов благочестия, как на своевольников и дезертиров...”. Слава Богу, дело прошлое.

Однако вернемся к ходу повествования.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

В начале века многовековое турецкое владычество над Грецией закончилось. В храмах Афона служились молебны о победе греческого оружия. Второго ноября 1912 года звучание тысяч афонских колоколов слилось в единый торжественный гул – победа!

Лондонская мирная конференция утвердила статус Афона как автономного и независимого монашеского государства под протекторатом балканских православных держав. Однако уже в двадцатом году Севрский договор, а затем Лозаннский (1923 г.) признают Афон частью Греции. Греческие власти формально гарантировали неприкосновенность монахам негреческого происхождения.

Хотя, скажем справедливости ради, греки всегда как-то не особенно приветливы были к монахам из России. Уточним, греческие власти, а не греческие монахи. Монахи как раз всегда учились у русских святости и молитвенности. Афонский старец нового времени Паисий не случайно называется греческим Серафимом Саровским. И не случайно у него русский наставник.

В октябре 2006 года в Москве прошла четырехдневная конференция “Россия – Афон: тысячелетие духовного единства”. Она отметила величайший вклад Святой Горы в богословское, аскетическое, иконографическое, культурное, а во многом и церковно-политическое влияние Святой Горы на духовное становление народов, на укрепление монашеской традиции. Вместе с тем в приветствии Святейшего Патриарха Алексия наряду с выражением надежды, что “древняя традиция участия России и Русской Церкви в современной жизни и служении Святой Афонской Горы возродится в полноте”, прозвучала и обеспокоенность: “Считаю своим долгом сказать: сегодня ситуация не столь идеальна и безоблачна. Доминирование лишь одной церковно-национальной традиции, своего рода “национализация” Афона может привести к утрате Святой Горой ее уникальной объединяющей роли во Вселенском православии. Это обстоятельство вызывает нашу особую озабоченность в связи с тем, что в настоящее время единство православия серьезно испытывается на прочность. И в этой ситуации Святая Гора должна оказывать всемерное содействие укреплению единства Церкви Христовой”.

Конечно, нам трудно на Святой Горе. В настоящее время из двадцати монастырей семнадцать греческие. Один сербский, Хиландар, один болгарский, Зограф, и наш. Но скажем, что сами по себе греческие монахи относятся к нашим очень хорошо. Это отношение исторически заслужено. Многие монахи русского монастыря знают греческий, часто и службы в храмах Пантелеимонова монастыря идут на греческом, или же молитвы чередуются. Наши паломники всегда находят приют в греческих монастырях. Более того, они, по молитвенному усердию, отличаются в лучшую сторону от других. Так что в отношении к нам играют роль какие-то не очень ясные пружины политики, но не монашеской.

Слава Богу, время работает на нас. Например, греки, говорил мне отец К., переводят “Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока”, убеждаясь, что русский молитвенник, проходя Святую Гору, многое заметил из того, что и теперь представляет интерес, и именно из тогдашней жизни греческих монастырей. Мы взяли у греческой Византии веру православную, храним ее, и греки это понимают. Можно и такую древнюю мудрость, к слову, напомнить: “Учитель, вырасти ученика, чтобы потом учиться у него”. Это отнюдь не противоречит библейскому выражению, что не бывает ученика выше учителя. Тут все взаимосвязано.

У НАЧАЛА НОВОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Революционное лихолетье святые отцы объясняют как наказание Господне за вероотступничество. Особенно больно ударило новое время по нашему монастырю. Высох поток приношений от России на Святую Гору, прекратился приезд новообращенных. Вторая мировая война, казалось, окончательно добивала монашескую молитву. Но были и в те времена молитвенники, которые верили в новое возрождение Святогорской жизни. Иначе как объяснить чудо спасения, сохранения полуострова?

Голод на Святой Горе, возникший в результате фашистской блокады, унес много жизней иночествующих в Пантелеимоновом монастыре. Остатки их решили обратиться к Советскому правительству. Это был 1945 год. Знамя над рейхстагом, победа над фашизмом, выход на свободу и возвращение к трудам многих священнослужителей. Но пока все еще не победа над мракобесием атеизма.

И до 1963 года монастырь жил, что называется, еле-еле душа в теле. Но что-то уже начинало меняться в мироощущении даже и коммунистов. Моральный кодекс строителя коммунизма был списан с Заповедей Христовых. В октябре 1963 года Патриарху Константинополя был передан список из восемнадцати фамилий монахов, стремящихся на восстановление твердынь Православия на Святой Горе.

Греческие власти разрешили въезд только пятерым. Да и это разрешение в русских эмигрантских кругах было воспринято как чудо Божие.

Монахи прибыли на Святую Гору.

Архимандрит Авель вспоминал потом:

“На яхте встретили графа Шереметева. Он отнесся к нам, монахам из Союза, более чем высокомерно, я бы даже сказал, поначалу даже с презрением:

понаехали, мол, коммунисты в русский монастырь. Приняли мы его, несмотря ни на что, радушно. Библиотеку показали. Библиотека большая, даже ветхозаветные редкости имеются. В трапезную пригласили. Там читали за обедом жития святых по-русски. Когда его провожали, на монастырской пристани граф неожиданно встал на колени и... руки мне стал целовать. Да как целовал-то и как плакал! Чуть не навзрыд: “Я здесь на родине своих предков”. Вот тут я почувствовал, как велика Россия! Дух русский велик”.

Хрущев тогда грозился “показать по телевизору последнего попа”. А на далекой, молящейся за Россию Святой Горе не прекращались молитвы, не прекращались слезы за вразумление заблудших.

ДАР СЛЕЗ

Чем же еще можно омыть и смыть с души наши грехи? Только слезами. Это святые слезы, проливаемые внезапно. Они – награда за молитву. Их не надо ждать, на них не надо надеяться, они придут сами.

Повечерие. Вначале в храме не горят даже свечи, только лампы, как золотые звездочки, светятся у нижнего края икон. Зажглась свеча около певчих. И у чтеца. Незаметно, как дыхание, начинается служба. Тихо в храме, будто никого, и будто поют не певчие, а безтелесные ангелы.

Служба идет. И лучше не думать, когда она кончится, лучше радостно говорить себе: “Я на Афоне, я в Божием храме, я молюсь за Россию, за родных и близких, за себя, грешного”.

Ночь летит к рассвету, зажигаются свечи у икон, мерцают и переливаются в серебряном и золотом свечении оклады икон. В темных окнах тоже возникают огоньки, это прокололи черноту неба небесные звездочки. Колокола на часовой, как надежные стражи византийского времени, отсчитывают каждую четверть пройденного стрелкой циферблата.

Спина немеет, ноги наливаются тяжестью, голова тяжелеет, но глядишь, ведь стоит же всю ночь вот этот монах, старик, ведь еле живой, но он сильнее тебя, он простоял тысячи таких ночей, тысячи раз слышал возгласение великих слов: “Слава Тебе, Показавшему нам Свет!”, он непрестанно молится о России, подражай ему, выстой службу до конца, до приложения ко Кресту, и непременно приди на следующую, когда Господь вновь сокроет ночным затмением пределы земли и моря.

О, святая Гора Афон! Был ты на ней или не был, но все равно при названии ее ты слышишь небесные звуки чистой молитвы. Возведу очи мои в горы, откуда придет помощь мне, говорит псалтырь. Так и кажется, что это сказано об Афоне. Даже и после одного посещения всегда помнишь Святую Гору. Особенно ночью, когда обращаешься к иконам, освещенным слабым огоньком лампы, и понимаешь – ты спишь, а монахи стоят на молитве. А когда побываешь на Афоне несколько раз, то уже невольно постоянно помнишь о Святой Горе и всегда молитвенно обращаешься к ней, и невольно поглядываешь в её сторону, как бы спрашивая у нее совета. И легче становится жить, ибо мелкими становятся твои мысли о заботах дня.

Все легко в этом мире: копать землю, ловить рыбу, пилить лес, читать книги, продавать и покупать, говорить и молчать, тяжело одно – молитва. Вспомним Гору искушений. Вспомним кровавый пот моления о чаше в Гефсиманском саду.

Вспомним святых отцов, отрывавшихся в молитве от земли, вспомним ангелов, сходящих с небес прислуживать во время литургии, вспомним камень, на котором тысячу дней и ночей молился отшельник. Уходя от мира, он молился за весь мир.

Так и монахи Афона. Молятся о нас и, главное, за нас. Они верят в великое предназначение России – спасти созданного Господом по образу и подобию человека и пока использующего данную ему свободу не для спасения души. А нам надо молиться за монахов Святой Горы, ибо именно их молитвами мы живы.

Молитвы поочередно звучат во всех храмах монастыря. Но непременно во всех повторяется моление о тех, кто просил молиться за них. У входа большие

стопы крупных тетрадей, где напечатан главный текст нашего спасения – наши имена. Мы спим – за нас молятся. Мы грешим – за нас проливают слезы, мы каемся – радуются за нас. Много раз видел я, грешный, как дочитав тетради, монахи извлекают из карманов рясы еще и дополнительные списки и читают, читают. И уж где-где, а здесь молитвы восходят ко престолу Божию. Века и века афонской молитвы тому порука.

В 2016 году исполняется тысячелетие русского пребывания на Афоне. Помолимся, чтобы и его встретить достойно, и достойно вступить в новое тысячелетие афонской молитвы.

Весь мир сюда везет многопудовые грехи, здесь от них освобождаются. А каково монахам? Берут на себя грехи мира, отдают свою духовную энергию, накопленную в молитве, и снова на молитву. Афон – аккумулятор духовной энергии. А что такое духовность? Духовности без Духа Святого не может быть. А где Дух Святой? Только в Церкви. Заметно, как усиливается число праздных посетителей Афона. Не молитвенников, не паломников, именно посетителей. Обойдут храмы, накупят икон, четок, отметятся, говоря светски. Но ведь с Афона можно увезти единственное его богатство – духовное. Особенно рады монахи, когда приезжают священники и искренне верующие. Припадают к Афону, оживляются, заряжаются и снова в мир, опять на борьбу за души человеческие. Духовник монастыря иногда в день принимает по сто, по сто пятьдесят человек. Только Господь дает силы на такое. Сколько же невзгод, бед, несчастий несут сюда. Духовная брань в мире идет непрерывно.

И будет, как предсказано, до скончания века. Лишь бы всегда стоял Афон, чтобы и наши дети, и внуки, и все-все потомки, любящие Господа, и Божию Матерь, и Россию, всегда приходили под его молитвенный покров.

“НАДЕЮЩИЕСЯ НА ТЕБЯ, ДА НЕ ПОГИБНЕМ!”

“Паки и паки миром Господу помолимся”. Паки и паки вспомним молитву афонскую. Не передать ее слабыми словами. Но в памяти души и сердца она. Ночь в мире, а здесь по желтым каменным плитам монастырского двора идут в храм монахи, послушники, паломники. За сотни лет миллионы и миллионы подошв полировали эти плиты. И сапоги, и ботинки, и калоши, и тапочки, и лапоточки, и кеды, и кроссовки, и просто босые, закаленные афонскими тропами ступни.

В храме почти нет света, только около певчих, у тетрадей с текстами и нотами зажжены свечи, да у икон мерцают слабые точки желтых лампадных огоньков. Начинается служба, начинает, как говорят монахи, разогреваться сердце. Прибавляется света, уже возгораются свечи, уже благоухает в пределах храма ладанный запах, и молитвы наши восходят, по выражению библейскому, “яко дым кадильный” к Престолу Царя Небесного. Перед молитвами мы все проходим тихой поступью около святых мощей и чудотворных икон и прикладываемся к ним. И молимся, молимся и надеемся быть услышанными. За Отечество наше многострадальное, за родных и близких, за живых и ушедших, ожидающих нас, за все пределы Божьего мира, молишься за себя, так много нагрешившего и страшящегося Божия гнева, подставляешь под елеопомазание свой вроде бы умный, но совершенно глупый пред Господом лоб, отходишь на свое место и замечаешь, что пред иконами прибавилось свечей, и добавляешь свои, и вслушиваешься в возгласы диакона, и слова священника, и пение хора, и только одно говоришь себе: за что мне такое счастье?

Ночь ли, день ли, утро ли или вечер на белом свете, что с того? Иконы, фрески оживают, они здесь, эти святые, страдальцы и мученики, они, отринувшие житейское время и, по примеру Господа, кровью своей соединившие грешную землю с безгрешным Христом. “Надеющиеся на Тебя, да не погибнем!” Здесь иначе слышатся знакомые слова из Апостольского послания: “Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления. Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли” (Евр. 11, 37-38). Добавим: и сжигаемы заживо, и потопляемы.

На молитве вместе с нами и все ранее жившие здесь насельники. Помню, как рассказывали о недавно опочившем монахе: “Мы днем его похоронили, а вечером он на службе с нами стоял”.

Только опыт, только присутствие на службе, только моление, моление до боли в ступнях, в пояснице, до, наконец, какого-то желанного отрешения от всего, забвение себя, переваливание части своей тяжести на подлокотники стасидии, растворение еще недавно разбросанных мыслей в единой со всеми молитве, только такое, может быть, собирание себя хотя бы на малое время приезда на Святую Гору дает представление о монашеской молитве. Здесь мы – в центре вселенской молитвы ко Господу.

Здесь постигаешь афонскую истину, что Гора Афон – это не место жительства, а путь. Путь к Господу. Путь, пролегающий через всю земную жизнь. Здесь не только исчисление часов другое, но и само время – оно как пространство.

Идешь после службы на кратенький отдых, идешь совершенно счастливым, что выстоял, что помог общей молитве, приходишь в келью, зажигаешь трогательную, заправленную оливковым маслом лампаду, ложишься на жесткую постель, блаженно вытягиваешься и... слышишь молитвенный шум набегающих на берег волн. Шум этот настолько одушевленный, что не хочется спать, а хочется озвучивать человеческими словами зывание морской стихии к Богу.

Скоро, совсем скоро зазвенит колокольчик и ударит колокол.